

¹³ Там же. – С. 26.

¹⁴ Там же. – С. 25.

¹⁵ Новикова И.Н. Россия – страна контрастов, и нигде это свойство не проявляется так ясно, как в плену... // Военно-исторический журнал. – 2006. – №2. – С. 55.

¹⁶ Люкшин Д. Да за нашими бабами вьются. Военнопленные в крестьянской России // Родина. – 2002. – №10. – С. 25.

¹⁷ Новикова И.Н. Россия – страна контрастов, и нигде это свойство не проявляется так ясно, как в плену... // Военно-исторический журнал. – 2006. – №2. – С. 56.

¹⁸ Там же. – С. 56.

¹⁹ Там же. – С. 57.

²⁰ Там же. – С. 57.

²¹ Кириллов Г.И. Австро-германские военнопленные в уездном Царевкокшайске (1915-1918 гг.) // Марийский археографический вестник. – 1995. – №5. – С. 37.

²² Там же. – С. 40.

²³ Новикова И.Н. Россия – страна контрастов, и нигде это свойство не проявляется так ясно, как в плену... // Военно-исторический журнал. – 2006. – №2. – С. 58.

Т.Г. НЕФЕДОВА, А.Д. ОГОРОДНИКОВ

ВETERАНЫ 6-Й НЕМЕЦКОЙ АРМИИ О ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ В ОКРУЖЕНИИ В 1942-1943 ГГ.

Сталинградская битва – значимое событие не только в истории Великой Отечественной войны, но и в тысячелетней истории Российского государства. Для нас – это неоспоримый символ мужества нашего народа, стойкости и героизма русского солдата. В 1943 году для большинства стран мира разгром немцев на Волге прозвучал как торжественный победный набат. Его слышали и ему радовались в Британии, поэтому английский король подарил жителям Сталинграда символ чести и мужества – меч. Весть о победе разжигала надежду даже в сердцах китайских партизан: узнав эту новость, будущий «великий кормчий» сказал, что отныне разгром Японии стал делом времени.

Победный набат для антигитлеровской коалиции превратился в похоронный звон для Германии. Это была катастрофа немыслимых для страны масштабов, даже нацистский режим не смог скрыть произошедшего. В одночасье рухнула немецкая картина мира, в плен «русским варварам» сдалась целая армия во главе со своим фельдмаршалом. 6-я армия вермахта, самый совершенный в мире механизм, просто прекратила свое существование по воле «дикарей». Со временем боль поражения утихла, прусский дух, столетиями культивировавшийся в стране, получил более тяжелые травмы. Однако трагедия окруженных осталась, так как бедствия, пережитые попавшими в «котел», по своим масштабам и трагичности не имеют аналогов в истории современной Германии.

Источниками для данной статьи явились личные дневники, протоколы допросов немецких военнопленных, солдатские письма на родину, мемуары выживших очевидцев событий, приказы и донесения советского командования. Использование такого спектра источников позволило взглянуть на события, во-первых, с различных позиций – от мнения рядового солдата до точки зрения генерала, а во-вторых, давало возможность критически оценить и взаимодополнить различные виды документов, особенно мемуары, написанные через годы, а то и десятки лет после войны. В целом, разнообразный круг источников позволил взглянуть на Сталинградскую битву гла-

зами ее немецких участников. Обращение к свидетельствам из первых уст было обусловлено ростом интереса к истории быта и истории ментальности.

Трагедия 6-й армии генерала Фридриха Паулюса началась с первых залпов операции «Уран». Красная армия прорвала немецкую оборону, через два дня советские механизированные корпуса встретились в г. Калач и замкнули кольцо окружения. Первый блицкриг по-русски состоялся.

После окружения 6-я армия зажила своей особой жизнью. Занимаемая ею территория превратилась в немецкий остров, волею советских войск все дальше отдалявшийся от Третьего рейха. Если командование еще поддерживало связь с большой Германией, то для подавляющего большинства окруженных мир за пределами «котла» стал чем-то эфемерным. У них сразу появились особые, малопонятные остальной Германии проблемы.

Первой и основной из них, от которой исходили все последующие трудности, стало плохое снабжение окруженной группировки. При составлении списков необходимого 6-й армии имущества, которое немцы могли доставить по воздушному мосту, в первую очередь пожертвовали боеприпасами для полевой артиллерии. В итоге на вес золота оказался каждый снаряд. По свидетельству военнопленного К. Вильникера, в его подразделении «был даже составлен акт по поводу произведенного из орудия выстрела без особого указания, и на командира батареи было наложено взыскание»¹. В письмах домой артиллеристы признавались в собственном бессилии перед противником. Так, унтер-офицер Г. Злотт писал: «С боеприпасами у нас обстоит дело очень плохо – получаем очень мало. Если бы имели 100-200 снарядов, тогда пусть бы русские приходили»². Но это было далеко не самое страшное в сложившейся для 6-й армии обстановке.

Положение с продовольствием гораздо сильнее сказалось на состоянии немецких войск. Первые недели блокированная армия доедала запасы со складов, оказавшихся на территории окружения. Однако уже в первые недели декабря, по свидетельству казначея санитарной роты О. Рюле, пережившего окружение, «наши солдаты впервые узнали, что такое голод: все запасы были съедены до последнего грамма»³. Правда, голодали не все. Многие авторы мемуаров отмечают, что полевые жандармы, охранявшие аэродром, выглядели здоровыми до последних дней. О голоде не пишут и штабные офицеры. Основную тяжесть окружения вынесли на себе линейные части, хотя и среди них были исключения. Так, в мемуарах О. Рюле есть упоминание о том, что «некоторые части, как, например, 71-я пехотная дивизия, которой удалось захватить зерновой силос и сохранить его только для себя, были в несколько лучшем положении»⁴.

Основой продовольственного пайка окруженных немецких солдат был хлеб. Того количества, что выдавалось, хватало лишь для поддержания жизни. «200 граммов – это ведь слишком мало для жизни и слишком много, чтобы умереть»⁵, – читаем в письме ефрейтора К. Бекка. В некоторых частях не было и хлеба. Например, К. Вильникер рассказывал на допросе: «Единственное, что мы получали за эти дни – вечером котелок похлебки на троих»⁶. В такой обстановке было естественным, что солдаты искали дополнительные источники питания. Довольно быстро солдаты перешли на конину – для многих в «котле» это мясо стало единственной пищей, которую они могли раздобыть. Из письма ефрейтора П. Замма: «Я так слаб, что еле могу держаться на ногах. Если мне удастся раздобыть кусочек конины, я чрезвычайно счастлив»⁷. Окруженные немцы даже достигли некоего профессионального мастерства в добывании этого продукта. В одном из донесений НКВД

цитируются такие строки из письма немецкого солдата: «С какой быстротой люди здесь разделяют тушу – этого ты представить себе не сможешь»⁸. Правда, немцам под Сталинградом не повезло даже с кониной. До того, как 6-я армия была взята в кольцо русских войск, большинство лошадей были выведены на зимние пастбища и оказались за чертой окружения. Поэтому немецкие солдаты действительно съели всех собак в Сталинграде. Из письма Отто Зехтага: «Тут в Сталинграде я зарезал трех собак. Можете думать что хотите, главное то, что мясо вкусное. Я сварил себе сороку. Могу сказать, что она имеет вкус курицы, – суп был такой желтый»⁹.

Неудивительно, что главной темой писем на родину у солдат вермахта стал голод и мольба о хлебе. Еда стала и основной темой разговоров, думать о чем-то другом, не получалось. «Не надо ничего, кроме одного единственного кусочка хлеба»¹⁰; «мы сидим в дзотах и думаем только о хорошей еде. Не проходит часа, чтобы мы не вспомнили о хорошем хлебе и колбасе»¹¹ – вот типичные строки из писем немецких солдат. Постоянное недоедание приводило к дистрофии, солдаты стали мало на что способны в качестве бойцов: «У двадцатилетних дистрофиков общее патолого-анатомическое состояние оказалось настолько отрицательным, что можно было подумать, будто это глубокие старики»¹². Даже в штабах не хватало продовольствия, и вороны, кормившиеся трупами немецких солдат, вызывали несказанное раздражение штабных работников. «Досыта кормилось лишь воронье – эти гнусные птицы, которые на Восточном фронте всегда казались мне вестниками грядущей близкой беды»¹³, – писал в своих воспоминаниях немецкий офицер И. Виддер.

Все, что оставалось большинству немцев, это греться в своих укрытиях, благо Красная Армия не проводила против них серьезных наступательных операций. Такое положение даже давало повод для самоиронии: «Единственное что у нас еще осталось – это теплый блиндаж. От еды мы потихоньку отвыкаем»¹⁴. Выходить наружу не стоило, во многих частях зимнего обмундирования не получили. «Войска в подавляющем большинстве своем встретили убийственные русские морозы, почти не имея зимней одежды»¹⁵, – вспоминал прошедший через окружение И. Виддер. Имеющаяся униформа зачастую не отвечала условиям русской зимы: «Солдаты сильно страдают от холода, т.к. кроме комбинированных серо-белых брюк и френчей, мы ничего не получили»¹⁶. И это на второй год войны в России! После того, как год назад под Москвой солдаты вермахта вымерзали целыми дивизиями!

Несколько лучше положение было в танковых частях и подразделениях люфтваффе. По свидетельству военнопленного К. Шмалера, «все солдаты 16 танковой дивизии получили теплое белье, ватные брюки и куртки или теплые дополнительные шинели, валенки»¹⁷. Оснащение же служащих в люфтваффе вызывало у пехотинцев озлобление и зависть. Из мемуаров офицера вермахта В. Адама: «Понятно, что настроение моих пехотинцев не могло улучшиться, когда они увидели все эти груды шуб, меховых жилетов, меховых шапок, валенок, зимних теплых рукавиц, подбитых ватой маскировочных костюмов, которыми были снабжены солдаты военно-воздушных сил, находившиеся под покровительством Геринга»¹⁸. Итогом недостатка зимнего обмундирования стали случаи массового обморожения в окруженных войсках. По словам О. Рюле, «в лазарете лежали десятки солдат и офицеров с обморожением третьей степени, у некоторых от ног и рук остались одни кости, но их не отправляли на самолетах. Для них не нахо-

дилось места»¹⁹. Об обморожениях первой и второй степени медики не упоминали вовсе, видимо, это было уже нормой.

Еще одной бедой окруженной армии стали болезни. Участник Сталинградской битвы писал об этом: «Дизентерия и тиф напрочно поселились в «котле», вши заедали нас, смерть гуляла вдоль и поперек»²⁰. Это не удивительно, если учитывать те антисанитарные условия, в которых находились солдаты. Один из них вспоминал, что «...пару белья я, не сменяя, носил четверть года»²¹. Множество страданий причиняли вши, которые стали чуть ли не главным бедствием на войне. Об этом говорилось, часто с долей иронии, почти в каждом солдатском письме: «Моим вшам живется отлично, питаются они вдоволь. Это видно по их количеству, их столько, что опасаясь, что они перегрызут тебе шею»²²; «вши... – это очень милые и преданные маленькие животные»²³; «если бы мы за каждую вошь, что имеем, получали один грамм хлеба, у нас бы было приличным куском хлеба больше»²⁴.

К физическим страданиям добавлялись моральные, прежде всего – отсутствие связи с родным домом. Ввиду нестабильной работы авиации плохо работала почта. «В прошлом месяце, – читаем в письме Г. Вельца, – я получил одно единственное письмо и знаю, что жена пишет мне ежедневно. Ужасно, еще будучи живым, медленно умирать для внешнего мира»²⁵. Если первое время была еще надежда на то, что положение с письмами улучшится, «и можно будет рассчитывать на нормальную работу почты»²⁶, то ближе к новому году стало понятно, что проблема не будет решена. Для выживших отсутствие связи с домом было одним из самых горестных воспоминаний: «Теперь же почты, судя по всему, ждать больше не приходится. Казалось, оборвались последние нити, связывавшие нас с родиной и семьями. Солдатская дружба, сколь бы крепка она ни была, не могла больше заглушить растущего чувства полного и беспросветного одиночества»²⁷. Находившиеся в «котле» оказались в положении заживо погребенных. Для своих родных они фактически были потеряны. Наверное, ими овладевало чувство дикого одиночества, если они упрекали своих близких в том, что те ничего не знают об их судьбе: «Вы там, на родине, не имеете никакого представления о том, что мы тут переносим и что нам предстоит пережить»²⁸. Такие настроения не могли не сказаться отрицательно на боевом духе немецких солдат.

В окружении намного трагичнее ситуация складывалась для раненых солдат. Ко всем бедам добавлялись раны, тем более что в вермахте традиционно раненые снабжались хуже солдат на передовой. Так, старший ефрейтор К. Мюллер писал: «Лежу раненый в блиндаже, без почты, без правильного ухода и голодать приходится немало»²⁹. Полевые лазареты просто не справлялись с потоком раненых солдат и офицеров, так как «принимали раненых в десять раз больше положенного»³⁰. Не хватало буквально всего: помещений, медикаментов, квалифицированного персонала, продовольствия, дров для обогрева. В результате раненых привозили в госпиталь, чтобы они там спокойно умирали. Так, основной госпиталь 6-й армии в Гумраке, по словам его бывшего казначея, «был своеобразным массовым лагерем смерти»³¹.

Особой страницей в жизни сталинградского «котла» стало Рождество 1942 года. Несмотря на то, что национал-социализм зачастую выступал против христианской церкви, Рождество для немцев так и осталось главным праздником в году. Этот день не остался без внимания солдат и офицеров 6-й армии. В стремлении скрасить беспросветное существование на всех уровнях этот праздник пытались отметить как можно лучше. Из обзора писем

немецких солдат, находящихся в окруженной группировке, составленного для советского командования, видно, что солдаты искали дополнительное продовольствие: «...На рождество от знакомого солдата из Шпандау я за 2 папиросы и добрые слова получил 2 хлеба на 6 человек. Этот хлеб казался нам рождественским пряником»³². Главной мыслью на время стало обустройство праздника. О. Рюле вспоминал, как «ломал себе голову над тем, чем еще скрасить наш рождественский вечер»³³. Правда, по воспоминаниям И. Виддера, «традиционно праздничного настроения не было ни у кого, но подлинный смысл Рождества согрел нас и рассеял окружавший нас мрак»³⁴. И все же Рождество – семейный праздник, и оно невольно стало еще одним поводом, чтобы вспомнить о доме. Офицер Г. Вельц позднее так вспоминал памятный рождественский вечер 1942 года: «Разговор то и дело замирает, смотря на горящие свечи, вдыхают сосновый запах, отодвигаются к стене в полутьму за спину соседа, а мысли уходят далеко, устремляются к дому»³⁵. Для многих праздник не оправдал даже самых крохотных надежд. По свидетельству одного солдата, «в качестве рождественского подарка мы получили по 6 папирос и больше ничего»³⁶, по признанию другого, «могу честно сказать, что в этом году я провел самое грустное рождество»³⁷.

В Советском Союзе главным праздником давно уже стал Новый год, и Красная Армия не забыла напомнить об этом к ужасу немецких солдат. Новогодняя ночь запомнилась им отнюдь не праздничной атмосферой, а сильнейшим артиллерийским обстрелом. В письме обер-ефрейтора Руди Зерга читаем: «На Рождество у нас было довольно спокойно, но в ночь под Новый год с 22.00 до 23.00 начался ад»³⁸. Советское командование вообще, жалея личный состав, предпочитало действовать артиллерией и авиацией. Такая тактика в определенной мере приносила свои плоды. «Ущерб от артиллерийских налетов просто обескуражил нас»³⁹, – признавал О. Рюле. Хотя, с другой стороны, это давало повод, по крайней мере для некоторых солдат, усомниться в боевой мощи противостоящих им советских войск: «Русские хотят нас взять измором, но сил у них для этого не хватает»⁴⁰. Однако, когда русская армия переходила в наступление, эти сомнения пропадали, и немцам оставалось только молиться. Из письма ефрейтора Райнголдта Ваккера: «Тяжелы русские продолжительные атаки. Слава богу, до сих пор позиции удерживаются, хотя и ценой больших потерь»⁴¹. При нехватке боеприпасов, физическом истощении, по признанию немцев, «что они могли противопоставить ударным частям русских с их многочисленными танками, реактивными установками, орудиями и минометами, их досыта накормленными солдатами в теплом зимнем обмундировании?»⁴². Все сравнения с вычитанными из книг описаниями мясорубок Первой мировой войны бледнели на фоне происходящего: «Мы ведем теперь войну, какую никогда до сих пор не знали. Я читал в книгах про битвы в мировую войну, но вижу, что здесь еще хуже»⁴³.

При всем этом немецкие солдаты и офицеры продолжали держаться и оказывать упорное сопротивление. Мотивы такого мужества и стойкости были различны. Иногда причиной была злость на противника («Мне пока еще доставляет удовольствие дать хорошую очередь по русским»⁴⁴, – фраза из письма ефрейтора Х. Диттмара), а чаще – выработанная годами привычка повиноваться приказу («Вскоре мы уже вели тяжелый бой, отражая мощную атаку советских танков. Забыты все разговоры, сомнения, заботы. Я думал только о задаче, стоявшей передо мной как командиром

полка»⁴⁵, – строки из воспоминаний офицера Р. Петерсхагена). Таким образом, несмотря ни на что, 6-я армия продолжала сохранять остатки боеспособности.

Еще один фактор играл немаловажную роль в поддержании духа и боеспособности войск – безграничная вера в своего вождя – Адольфа Гитлера. Что бы ни писали немцы после войны об аполитичности вермахта, во многих письмах есть фразы о том, что фюрер не может бросить своих солдат. Из письма ефрейтора Карла Вольфа: «За то время, что мы здесь сидим в этом котле, мы уже очень много испытали и пережили, но у всех нас есть крепкая надежда, что фюрер постарается сделать все возможное, чтобы нас освободить, как только позволит погода»⁴⁶. В принципе причин сомневаться у них не было, до сих пор все свои обещания Гитлер выполнял. При этом даже немало пожившие, несомненно, неглупые люди, искренне считали, что можно оставаться одновременно национал-социалистом и человеком. К примеру, командир 384-й пехотной дивизии Э. Габленц писал родным: «Я думаю, что можно быть и национал-социалистом, не беря греха на свою душу, если занимаешь такую незначительную и специфически узкую должность как командир дивизии»⁴⁷. Причем, веру в своего вождя сохраняли в окружении не только солдаты. Даже офицеры штабов, где, собственно, хорошо знали, что нечего питать никаких иллюзий на освобождение, и то ждали какого-то чуда. «В конце концов, ведь каждому солдату в окружении были хорошо известны слова Гитлера о том, что он вызволит их из котла. А ведь до сих пор этому человеку все удавалось»⁴⁸, – такие настроения царили среди солдат и офицеров.

Еще одним фактором, тесно связанным с именем фюрера и позволявшим немецким солдатам держаться, была надежда на то, что помощь все-таки придет. «Увижу ли я вас всех снова – это еще вопрос, – писал старший солдат Йозеф Хюнерконф. – Я с нетерпением ожидаю, будем ли мы освобождены. Долго мы этого не выдержим»⁴⁹. Уже было известно, что 4-я танковая армия разбита, как, впрочем, все итальянские, румынские и венгерские дивизии группы армий «Б», что Красная Армия продвигается на запад. Зная все это, в солдатах 6-й армии «еще жила крошечная искорка надежды. Она помогала огромной массе окруженных, измученных и полуголодных солдат быть в состоянии боевой готовности»⁵⁰. А еще кто-то из солдат продолжал считать, что сражается под Сталинградом за Великую Германию. «Могу сказать, что если бы не наша сила воли, желание жить, воодушевление борьбой за Германию, – то дело уже давно было сломлено»⁵¹, – читаем в письме одного из солдат окруженной группировки. Другие вспоминали, что победным маршем дошли до самой Волги и «не должны грустить и отчаиваться, ибо мы знаем, что в истекшем году были достигнуты прекрасные успехи»⁵². Некоторые до сих пор считали, что русские могут хорошо воевать лишь зимой, а летом немецкая армия непобедима. Из письма ефрейтора Йозефа Шмидта: «Но и эта зима пройдет, и тогда мы покажем русским, что немецкий солдат может все»⁵³. Так или иначе, но немецкие солдаты находили для себя причины держаться. Кроме того, в головы солдат было вбито, что плен – это смерть. Как писал один из них, «...плен означает или выстрел в спину, или пожизненную каторгу в Сибири»⁵⁴.

Однако, если на фюрера еще молились, то остальные вожди Третьего рейха начинали раздражать. Напыщенные речи министра пропаганды там, под Сталинградом, были пустыми: «Геббельс говорил сегодня вечером, но

какая польза от этого? Нам этим не поможешь»⁵⁵. Еще одной пропагандистской уловкой, которая вызвала всеобщее возмущение в 6-й армии, стало понятие «Сталинградская крепость». Его изобрел сам Гитлер, считая, что тем самым он поднимал дух окруженных солдат и вселял уверенность в граждан Третьего рейха. Эта фраза стала распространенной в Германии и пущена в ход в первых приказах главного командования сухопутных сил. Однако в окруженной армии под Сталинградом ее просто не оценили и «воспринимали как горькую иронию, а подчас и как издевательство»⁵⁶.

Невыносимые условия жизни, целые поля, усеянные мертвыми, – все это заставляло задуматься о Боге. Немецкая армия в своей основной массе оставалась христианской. Капелланы шли вместе со своей паствой, пытались по мере своих сил облегчить положение солдат. Однако, глядя на происходящее, окруженным трудно было верить в милосердного и всемогущего Бога. По признанию одного из них, «солдаты перестали верить священнику. Трудно увязать все эти страшные события бытия с верой в слово божье»⁵⁷. У большинства же окруженных вера в Бога оставалась единственным утешением и надеждой. «Я уже хорошо знаю мир, – писал домой один из солдат 6-й армии. – Это – долина скорби. Один бог может дать нам счастье»⁵⁸. У многих еще теплилась надежда на какое-нибудь улучшение в положении, ведь «хуже, чем сейчас, слава богу, быть не может»⁵⁹. Но условия, в которых оказались солдаты и офицеры 6-й армии, были настолько тяжелы, что всякое желание жить у многих просто пропадало. Майор Г. Вельц так писал о состоянии своих подчиненных во время боя: «Инстинкт самосохранения притупился. Сторонний наблюдатель покачал бы головой: он или поразился бы нашей выдержке под огнем противника, или счел бы ненормальными. Скорее последнее»⁶⁰. Даже приводившие немецких солдат в священный ужас «катюши» не казались столь страшны, поскольку «апатия так велика, что это уже не причиняет беспокойства»⁶¹. Люди потихоньку ломались от пережитых страданий и безысходности бытия. Уже будучи в советском плену, О. Рюле так описывал свое тогдашнее состояние: «За шесть недель окружения во мне что-то треснуло, надломилось, и я чувствовал, что склеить меня уже невозможно»⁶². Пожалуй, определенный смысл для многих немцев во всех этих страданиях существовал – только пройдя их, у многих спадала с глаз пелена лжи и пропаганды. «Как прекрасна была бы жизнь, если бы не было этой проклятой войны. Я вынужден шататься по этой вшивой России неизвестно за что»⁶³, – написал в письме обер-ефрейтор А. Беец. И еще: несмотря на все надежды, стойкость и упорство, преданность Германии, в души солдат начала прокладывать дорогу неуверенность в исходе войны. Из протокола допроса военнопленного К. Шмалера: «Боевой дух германских солдат последними неудачами подорван очень сильно. Многие из числа до последнего времени веривших в победу Германии стали теперь сомневаться в этом»⁶⁴.

На долю немцев, попавших в сталинградский «котел», выпали неисчислимые страдания. Они оказались заложниками упрямства Гитлера и желания его окружения выслужиться перед фюрером. Возможности сопротивления немецких войск постоянно падали. Красная Армия до конца января 1943 г. не предпринимала серьезных наступательных операций, и немедленной катастрофы 6-й армии под Сталинградом не произошло. Для окруженной группировки противника гораздо более страшным врагом стал голод. Отсутствие зимнего обмундирования привело к постепенному вымерзанию 6-й армии. Ко всему этому добавились вши, нехватка медикаментов и поте-

ря очень важного для солдат психологического момента – связи с домом. Все это вместе привело к быстрой деградации окруженной армии как единого механизма, психологическому и физическому истощению большинства защитников «Сталинградской крепости».

В современной Германии говорится о солдатах 6-й армии как о мучениках, заложниках нацистского режима и «дикой России». Думается, такой подход не достаточно верен. Ведь немцы страдали не у себя на Рейне, а у нас на Волге, до которой дошли, прокладывая себе дорогу огнем и мечом. Там умирали те, кто присягнул на верность нацистскому режиму, те, кто в большинстве своем верил в фюрера и его идеи.

Примечания

- ¹ Донесение ОО НКВД ДФ в УОО НКВД СССР с протоколом допроса военнопленного К. Вильникера // Сталинградская эпопея. – М., 2000. – С. 301.
- ² Из письма унтер-офицера Готтлиба Злотга // Сталинградская битва. – М., 2002. – Т. 2. – С. 326.
- ³ Рюле О. Исцеление в Елабуге / О. Рюле. – М., 1969. – С. 18.
- ⁴ Там же. – С. 39.
- ⁵ Из письма ефрейтора Конрада Бекка // Сталинградская битва. – М., 2002. – Т. 2. – С. 340.
- ⁶ Донесение ОО НКВД ДФ в УОО НКВД СССР с протоколом допроса военнопленного К. Вильникера // Сталинградская эпопея. – М., 2000. – С. 301.
- ⁷ Из письма ефрейтора Пауля Замма // Сталинградская битва. – М., 2002. – Т. 2. – С. 314.
- ⁸ Донесение ОО НКВД ДФ военному совету ДФ с обзором писем немецких военнослужащих // Сталинградская эпопея. – М., 2000. – С. 333.
- ⁹ Из письма солдата Отто Зехтага // Сталинградская битва. – М., 2002. – Т. 2. – С. 315.
- ¹⁰ Из письма вахмистра Отто Зебера // Там же. – С. 326.
- ¹¹ Донесение ОО НКВД ДФ военному совету ДФ с обзором писем немецких военнослужащих // Сталинградская эпопея. – М., 2000. – С. 335.
- ¹² Рюле О. Исцеление в Елабуге / О. Рюле. – М., 1969. – С. 59.
- ¹³ Виддер И. Катастрофа на Волге / И. Виддер. – М., 1965. – С. 67.
- ¹⁴ Из письма обер-ефрейтора Эриха Абисфельда семье Эрихе Купке в Берлин // Сталинградская битва. – М., 2002. – Т. 2. – С. 350.
- ¹⁵ Виддер И. Катастрофа на Волге / И. Виддер. – М., 1965. – С. 53.
- ¹⁶ Донесение ОО НКВД ДФ в УОО НКВД СССР с протоколом допроса военнопленного К. Вильникера // Сталинградская эпопея. – М., 2000. – С. 303.
- ¹⁷ Донесение ОО НКВД ДФ в УОО НКВД СССР с протоколом допроса военнопленного К. Шмалера // Там же. – С. 316.
- ¹⁸ Адам В. Трудное решение / В. Адам. – М., 1972. – С. 191.
- ¹⁹ Рюле О. Исцеление в Елабуге / О. Рюле. – М., 1969. – С. 31.
- ²⁰ Виддер И. Катастрофа на Волге / И. Виддер. – М., 1965. – С. 84.
- ²¹ Донесение ОО НКВД ДФ военному совету ДФ с обзором писем немецких военнослужащих // Сталинградская эпопея. – М., 2000. – С. 333.
- ²² Обзор писем немецких солдат, находящихся в окруженной Сталинградской группировке // Там же. – С. 330.
- ²³ Из письма унтер-офицера Йозефа Шумахера // Сталинградская битва. – М., 2002. – Т. 2. – С. 315.
- ²⁴ Из письма старшего ефрейтора Каплера // Там же. – С. 339.
- ²⁵ Вельц Г. Солдаты, которых предали / Г. Вельц. – М., 1965. – С. 197.
- ²⁶ Из письма старшего ефрейтора Бергарда Гебгардта // Сталинградская битва. – М., 2002. – Т. 2. – С. 325.
- ²⁷ Виддер И. Катастрофа на Волге / И. Виддер. – М., 1965. – С. 78.
- ²⁸ Из письма солдата Альфреда Рера // Сталинградская битва. – М., 2002. – Т. 2. – С. 349.
- ²⁹ Из письма старшего ефрейтора Карла Мюллера // Там же. – С. 315.
- ³⁰ Рюле О. Исцеление в Елабуге / О. Рюле. – М., 1969. – С. 48.
- ³¹ Там же. – С. 80.
- ³² Обзор писем немецких солдат, находящихся в окруженной Сталинградской группировке // Сталинградская эпопея. – М., 2000. – С. 330.

- ³³ Рюле О. Исцеление в Елабуге / О. Рюле. – М., 1969. – С. 24.
- ³⁴ Виддер И. Катастрофа на Волге / И. Виддер. – М., 1965. – С. 80.
- ³⁵ Вельц Г. Солдаты, которых предали / Г. Вельц. – М., 1965. – С. 167.
- ³⁶ Из письма ефрейтора Фрица Линова // Сталинградская битва. – М., 2002. – Т. 2. – С. 338.
- ³⁷ Обзор писем немецких солдат, находящихся в окруженной Сталинградской группировке // Сталинградская эпопея. – М., 2000. – С. 331.
- ³⁸ Из письма обер-ефрейтора Руди Зерга семье Карла Якоба в Берлине // Сталинградская битва. – М., 2002. – Т. 2. – С. 378.
- ³⁹ Рюле О. Исцеление в Елабуге / О. Рюле. – М., 1969. – С. 18.
- ⁴⁰ Донесение ОО НКВД ДФ военному совету ДФ с обзором писем немецких военнослужащих // Сталинградская эпопея. – М., 2000. – С. 333.
- ⁴¹ Из письма ефрейтора Райнгольда Ваккера // Сталинградская битва. – М., 2002. – Т. 2. – С. 349.
- ⁴² Виддер И. Катастрофа на Волге / И. Виддер. – М., 1965. – С. 81.
- ⁴³ Донесение ОО НКВД ДФ военному совету ДФ с обзором писем немецких военнослужащих // Сталинградская эпопея. – М., 2000. – С. 334.
- ⁴⁴ Из письма ефрейтора Х. Диттмара семье Диттмар в Гауминген // Сталинградская битва. – М., 2002. – Т. 2. – С. 363.
- ⁴⁵ Петерсхаген Р. Мятежная совесть / Р. Петерсхаген. – М., 1958. – С. 20.
- ⁴⁶ Из письма ефрейтора Карла Вольфа Елизавете Вольф // Сталинградская битва. – М., 2002. – Т. 2. – С. 349.
- ⁴⁷ Перевод письма командира 384-й пехотной дивизии Э. Габленца // Сталинградская эпопея. – М., 2000. – С. 292.
- ⁴⁸ Рюле О. Исцеление в Елабуге / О. Рюле. – М., 1969. – С. 41.
- ⁴⁹ Из письма старшего солдата Йозефа Хюнерконфа // Сталинградская битва. – М., 2002. – Т. 2. – С. 325.
- ⁵⁰ Рюле О. Исцеление в Елабуге / О. Рюле. – М., 1969. – С. 33.
- ⁵¹ Обзор писем немецких солдат, находящихся в окруженной Сталинградской группировке // Сталинградская эпопея. – М., 2000. – С. 330.
- ⁵² Из письма старшего ефрейтора Карла Партенгаммера // Сталинградская битва. – М., 2002. – Т. 2. – С. 338.
- ⁵³ Из письма ефрейтора Йозефа Шмидта // Там же. – С. 339.
- ⁵⁴ Рюле О. Исцеление в Елабуге / О. Рюле. – М., 1969. – С. 53.
- ⁵⁵ Из письма унтер-офицера Франца Арнольда // Сталинградская битва. – М., 2002. – Т. 2. – С. 348.
- ⁵⁶ Виддер И. Катастрофа на Волге / И. Виддер. – М., 1965. – С. 45.
- ⁵⁷ Петерсхаген Р. Мятежная совесть / Р. Петерсхаген. – М., 1958. – С. 19.
- ⁵⁸ Обзор писем немецких солдат, находящихся в окруженной Сталинградской группировке // Сталинградская эпопея. – М., 2000. – С. 332.
- ⁵⁹ Там же. – С. 331.
- ⁶⁰ Вельц Г. Солдаты, которых предали / Г. Вельц. – М., 1965. – С. 249.
- ⁶¹ Штейдтеле Л. От Волги до Веймара / Л. Штейдтеле. – М., 1975. – С. 220.
- ⁶² Рюле О. Исцеление в Елабуге / О. Рюле. – М., 1969. – С. 37.
- ⁶³ Из письма обер-ефрейтора Арно Бееца // Сталинградская битва. – М., 2002. – Т. 2. – С. 315.
- ⁶⁴ Донесение ОО НКВД СТФ в УОО НКВД СССР с протоколом допроса военнопленного К. Шмалера // Сталинградская эпопея. – М., 2000. – С. 316.

Т.И. ИВАНОВА

ПРЕВЕНТИВНАЯ ПОЛИТИКА В АНТИТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ ПРАВИТЕЛЬСТВА КАНЦЛЕРА Г. ШРЁДЕРА (2001-2004 гг.)

Объединение Германии повысило международный статус страны. В соответствии с этим в течение 90-х годов XX века вплоть до 2005 года сначала правительство Г. Коля, а затем коалиционное правительство Г. Шрёдера, последовательно продолжали и вновь выстраивали основные направления ее внешней политики, придерживаясь концепции самоутверждения, принципов «преемственности и развития». Преемственность выражалась в сохранении трех приоритетных стратегических составляющих: европейская интеграция, трансатлантические связи и многостороннее сотрудничество. Развитие